

Юрий ДЮЖЕВ

г. Петрозаводск

(К 85-летию со дня рождения Владимира Морозова)

Владимир Морозов сделал первые шаги в поэзии в одно время с Маратом Тарасовым и Робертом Рождественским. «Мы были друзьями. Два с половиной года учились в одном институте, – вспоминал Р.Рождественский в предисловии к сборнику стихов В.Морозова «Откровение» (Петрозаводск, 1965). – Жили в одной комнате. В одной электричке ездили в общежитие. Вместе выступали. Вместе приезжали в Петрозаводск к родителям».

Однако отношение столичной критики к Р.Рождественскому и В.Морозову было полярным. Публикация поэмы Р.Рождественского «Моя любовь» вызвала лавину отзывов, в том числе в журналах «Новый мир», «Молодая гвардия», «Знамя», в «Комсомольской правде», «Московском комсомольце», «Литературной газете». Издание же книги В.Морозова «Стихи» (М, 1957) прошло незамеченным. Между тем оба поэта начали публиковаться в Петрозаводске в 1949 году, поступили в Литературный институт в 1950-м (Р.Рождественский – со второй попытки). Но если один стал очень быстро кумиром молодёжных вечеров в Политехническом музее, то второй так и остался

вплоть до своей смерти живущим в Карелии русским поэтом «с вызывающе есенинской шевелюрой и почти есенинскими стихами»¹.

Для Т. Жирмунской было тем более странным, что поэт с «почти есенинскими стихами» родился и вырос в Петрозаводске, столице Карело-Финской ССР (с 1956 года – Карельской АССР), государственными языками которой были финский и русский. Однако всё встанет на свои места, если напомнить, что кроме эпоса «Калевала» на территории Карелии (в XIX веке – Олонецкой губернии) поэты и ученые открыли русскую народную поэзию, оставшуюся в наследство от Древней Руси. В 1860 году в Петрозаводске начали выходить «Песни, собранные П.Н.Рыбниковым», которые составили в истории собирания и изучения русской народной поэзии целую эпоху. В письме к П.А.Бессонову от 2 декабря 1861 года Рыбников писал из Петрозаводска: «Я всегда был убежден, что русский народ отзывался в своих произведениях на всё, что ему было дорого, на всякое замечательное событие в области своего развития. И чем более узнаю народное творчество, тем убеждение это более и более подтверждается».

Поэзия Сергея Есенина, который «стихи начал писать, подражая частушкам», не могла не произвести сильнейшего впечатления на уроженца Петрозаводска Владимира Морозова, и это чувство было естественным для жителя края, где гордились богатством русского фольклора Севера и почитали поэзию Есенина как продолжателя традиций классической русской литературы.

После себя В.Морозов не оставил, кроме писем и стихов, подробных автобиографических сведений о своей жизни. Первый сборник воспоминаний о поэте вышел спустя 55 лет после его смерти.² Большею частью у него были включены воспоминания его одноклассников, товарищей по занятиям во Дворце пионеров, сокурсников по учебе в Литературном институте. В целом мемуары рисовали облик одаренного от природы молодого человека, всеми любимого, который писал замечательные стихи и в самом расцвете поэтической карьеры неожиданно покончил с собой. Сообщалось, что в ноябре 2012 года распоряжением главы Республики Карелия республиканской детско-юношеской библиотеке было присвоено имя Владимира Морозова.

В книге была помещена фотография заведующей библиотекой средней школы №6 г. Петрозаводска Галины Валерьевны Кудрявцевой, которая многие годы собирала материалы к биографии поэта, но сведений о её находках не сообщалось. Поскольку в указанном выше сборнике воспоминаний лишь мельком было сказано о родителях поэта, пришлось обратиться к размещённой в Интернете работе Г.Кудрявцевой «И не вернуться я не мог...» с приложением собранных ею писем близких и родных. В одном из них, присланных сестрой поэта Татьяной Федоровной Красовицкой (Морозовой), сообщались сведения о родителях. Отец поэта, Морозов Федор Яковлевич (1910–1976), родился на Севере, в Кеми. Работал инженером-экономистом в Карелдреве, потом в Совнархозе. В 1941 году был послан на оборонные работы. Был в плену. В 1944 году возвратился в Петрозаводск. Мама, Софья Павловна (1910–1997), родилась в Елабуге. Приехала на Север, где и встретила своего спутника жизни. После переезда семьи в Петрозаводск работала в бухгалтерии Петроторга. Теперь становятся понятны как молчание мемуаристов о военной судьбе Ф.Я. Морозова, так и строки из стихотворения его сына «Отец»:

*Из концлагеря
в сорок первом
Не бежал я средь бела дня.
Финку пальцами сжав до боли,*

*Не ложился я спать в стога,
Не спасался на минном поле
От преследований врага.
А в минуту,
когда сидели
Мы напротив школьной доски,
Может быть,
на ходу сидели
У отца моего виски.
Шел по трупам в огне и дыме
Мой отец
на восток к своим.
Шел затем,
Чтобы вместе с ними
Вновь пройти сквозь огонь и дым.
Может быть,
этот путь тернистый
Для того он сумел пройти,
Чтоб безудержным оптимистом
Я шагал по его пути.*

Стихотворение «Отец» не было до 1957 года опубликовано в периодической печати, не вошло оно и в московский сборник «Рука друга» (1959). В обществе всё ещё относились к судьбам бывших военнопленных с предубеждением. Трудно приходилось В.Морозову, когда его одноклассники писали сочинения о подвиге своих отцов в войну – и эта душевная рана постоянно напоминала о себе. Стихотворение «Отец», написанное зрелым, отслужившим армию мужчиной, было продиктовано глубоким чувством любви к своему отцу, попыткой защитить его честь и достоинство. Поэт снимал с отца какие бы то ни было обвинения и открыто говорил обществу, как важно в ожесточённом испытаниями сердце сохранять доброту и человечность по отношению к тем, чья судьба была искалечена войной.

Облик В.Морозова, назвавшего себя «безудержным оптимистом», встает и в воспоминаниях современников поэта со страниц книги «Любовь проверена разлукой». Довоенное детство будущего поэта действительно было счастливым. Володя любил своих родителей и свою сестру Таню. У него обнаружили абсолютный слух, и он был зачислен в музыкальную школу, учился играть на рояле. Рано стал читать. Любил рисовать. По натуре был вспыльчивым, импульсивным, но быстро отходил. С детства его влекли театральные постановки. Побывав в кукольном театре, стал сам шить куклы. Ни себя, ни друзей не давал в обиду. В петрозаводской школе №1, где он до войны окончил первый класс, пользовался авторитетом. «Его обаяние (а он, несомненно, был обаятельным) действовало на

всех обезоруживающе, все ему улыбались», – вспоминала Т.Базулева.

Война перечеркнула детские мечты и семейные надежды на счастливое будущее. Отца отправили на рытьё оборонительных рубежей, и он на долгие три года выпал из поля зрения семьи. Началась эвакуация населения в тыл. Она коснулась и семьи Морозовых. По имеющимся на 1 октября 1941 года общесоюзным данным, насчитывалось 81898 человек, эвакуированных из Карелии. В дальнейшем их число возросло до 500 тысяч. Софья Павловна отправилась в эвакуацию в город Кохма Ивановской области с двумя дочерьми и сыном. Младшей дочери, которой было только шесть месяцев, не удалось выжить. Этот внезапный переход от мирного бытия к ужасам войны не мог не потрясти ранимую душу Володи Морозова. В своих воспоминаниях сестра поэта Татьяна Красовицкая (Морозова) цитирует найденное в домашнем архиве и написанное 23 февраля 1948 года, в день рождения матери, стихотворение своего брата:

*Я помню печурку в теплушке сырой
И длинные грязные нары...
Мы ехали в тыл, а у нас за спиной –
Бои, отступление, пожары...
Я помню тот дом, потонувший в снегу,
Обои из снежной вуали...
Без дрожи сейчас вспоминать не могу,
Как зиму мы там коротали.
Как спали на койке, не снявши пальто,
Прижавшись плотнее друг к другу,
Ты помнишь, наверное, мама, и то,
Как, слушая дикую выюгу,
С тобой вспоминали мы город родной,
Но мы на судьбу не роптали,
Мы только мечтали о жизни иной
И встретиться с папой мечтали.*

В числе многих В.Морозов был больно задет войной. Ему тоже досталась горькая участь испытать и вынести все то, что в мирной жизни удалось бы вынести не каждому взрослому человеку. Обжигающее дыхание войны опалило душу юного оптимиста. В его памяти навсегда остались горькие картины эвакуационного быта, воспоминания о голоде и холоде, о смерти сестренки. Он вернулся в Петрозаводск иным, возмужавшим человеком, который чувствовал ответственность за себя и близких и обещал матери в процитированном выше стихотворении:

*Но годы промчатся, и дай только срок,
Надежды твои оправдаем:*

*Татьяна, наверное, станет врачом,
А я непременно поэтом.*

По воспоминаниям его одноклассников, такая «заявка на поэта» не вызывала особого удивления. Ведь уже осенью 1945 года ученик 9-й мужской средней школы Володя Морозов выступил в Театре русской драмы на городском пионерском слёте с чтением своего стихотворения. Автор этой книги в ту осень поступил учиться во второй класс той же школы и может подтвердить популярность юного поэта среди ровесников. Он резко выделялся среди школьников высоким уровнем жизненной энергии. Кудрявая его голова, казалось, одновременно мелькала на всех этажах школьного корпуса, а его слегка картавящий голос звучал всюду, где было интересно. Он был безусловной «звездой» школы, и все относились к нему как к особому, очень одаренному человеку. Если кто-то из нас, второклашек, удостоивался внимания Володи, это было большой честью. Он был активным участником школьного драмкружка, играл в пьесе Горького «На дне». Он занимал первые места в городских конкурсах чтецов. «У него была блестящая память, – вспоминала сестра поэта Татьяна. – Он любил и знал наизусть стихи и поэмы Есенина, Маяковского и очень здорово читал их. Мне особенно запомнилось, как он читал «Черного человека» Есенина».

Таких «белых ворон» в школьном коллективе нередко начинают обижать более сильные ровесники. Но у Володи сил хватало и на то, чтобы регулярно заниматься в секции бокса, и даже быть кандидатом в юношескую сборную республики, так что его недоброжелателям оставалось лишь помалкивать. При этом, даже находясь в элите школы, Володя умудрялся оставаться в общении очень дружелюбным человеком, готовым прийти на помощь в трудную минуту. Глаза его светились добром, ласковым вниманием к обратившемуся к нему ровеснику. Как и до войны, он опять стал общим любимцем школы. Может быть, это всеобщее школьное почитание помешало ему в вузе. Он и там надеялся занять место лидера, но был слишком провинциально открыт и доверчив к людям, а Москва такой наивности не прощает.

Параллельно со школой автор этой книги встречался с Володей во Дворце пионеров, где тот занимался в драматическом кружке и стал звездой ряда спектаклей. Его выступления с чтением стихов на отчетных концертах запоминались надолго. Володя увлекал зал силой чувств, вложенных в поэзию.

В 1950 году В.Морозов окончил школу, успешно прошел творческий конкурс и поступил в московский Литературный институт. Поэтический ба-

гаж 18-летнего поэта к тому времени насчитывал лишь два опубликованных в петрозаводской газете «Молодой большевик» стихотворения. Казалось бы, учёба в Литературном институте могла активизировать творческую деятельность поэта, но за весь 1951 год его творческий багаж увеличился лишь на одну публикацию – «северную легенду» «Петров кафтан» (На рубеже, 1951, №12). Речь в стихотворении шла о том, как Петр I, переночевав в поморском селе, стал крестником внука старого рыбака и подарил ему кафтан со своего плеча. Вероятней всего, «Петров кафтан» был частью задуманной В.Морозовым поэмы «о поморах (жителей побережья Белого моря)», о чем он сообщал в письме Т.Базулевой 21 августа 1950 года. Эта первая попытка молодого поэта взяться за крупное поэтическое произведение не удалась. Он был еще не готов к освоению сложного исторического материала. К тому же «человек из провинции» был, как это и бывает, полностью очарован открывшимися перед ним возможностями столичной жизни. Если в семье он находился под строгим контролем родителей, то теперь ему казалось, что он свободен в своих поступках и желаниях. «Студенты, как правило, лет на пять, а то и больше старше меня, но ребята хорошие», – сообщал он в процитированном выше письме Т.Базулевой из писательского городка Переделкино и не без гордости писал, что рядом «живут Фадеев, Симонов, Чуковский, Вера Инбер, Паустовский, Мальцев и пр. Скучать не приходится... Много планов на будущее».

Привыкший с детства к доброму к себе отношению, 18-летний юноша долго продолжал верить, что и в Москве все окружающие его – это «ребята хорошие», и долго не понимал и не признавал условия жесткой конкурентной борьбы бы место «под солнцем», которую, в отличие от него, вели взрослые сокурсники. «Бывало, месяцами он почти не прикасался к бумаге, – вспоминал Всеволод Иванов. – Мучительно искал что-то, за что-то принимался, что-то бросал, о чем-то задумывался. И снова искал... Хотелось к людям, словно те могли помочь ему. Он легко сходился с людьми, в том числе и с теми, кто прилипал к поэту, когда у того заводились деньги. Иногда сокрушался, что пишет мало: «Понимаешь, старик, одно, только одно стихотворение в год».

Память о школьных годах, когда он был лидером во всём, подталкивала его к аналогичному поведению и в институте. В. Морозов стал одним из основателей драматического кружка и самым яростным его участником. Он выделялся среди прочих прекрасным чтением стихов, своих и чужих. «Читал он очень здорово – свободно, легко, раскатисто, –

вспоминал Р.Рождественский. – Мы это понимали и всегда во время поэтических вечеров оставляли его последним, на закуску». Юношу стали охотно приглашать на вечеринки в качестве «закуски» к богато сервированному бутылками вина и водки столу москвичей. Может быть, В.Морозов надеялся встретить там не только своих почитателей, но и покровителей, которые могли бы помочь пробиться со стихами в московские журналы и издательства. Но юноша был интересен московской элите лишь как некий народный самородок из северной глуши, не только прекрасно читавший стихи Сергея Есенина, но даже внешне похожий на него. Чтеца охотно угощали, и вскоре для неокрепшего сознания провинциального юноши это перешло в привычку. Овладевшее юношей чувство одиночества в большом городе, где, оказывается, он никому не нужен, было подобно переживаниям 17-летнего С.Есенина, который в августе 1912 года писал из Москвы своему другу Г.А.Панфилову: «Глядишь на жизнь и думаешь: живешь или нет? Уж очень она протекает-то слишком однообразно, и что новый день, то положение становится невыносимее, потому что всё старое становится противным, жаждешь нового, лучшего, чистого, а это старое-то слишком пошло. Ну ты подумай, как я живу, я сам себя даже не чувствую. «Живу ли я, или жил я?» – такие задаю себе вопросы после недолгого пробуждения. Я сам не могу придумать, почему это сложилась такая жизнь, именно такая, чтобы жить и не чувствовать себя, то есть своей души и силы, как животное. Я употребляю все меры, чтобы проснуться. Так жить – спать и после сна на мгновение сознаваться, слишком скучно. Я тоже не читаю, не пишу пока, но думаю».

За весь 1952 год В.Морозов опубликовал три стихотворения в журнале «На рубеже» (1952, №1) и одно – в газете «Молодой большевик». В то время как его сокурсники М.Тарасов и Р.Рождественский целеустремленно готовились к изданию первых книг, В.Морозов метался в попытке найти свою, только ему одному присущую поэтическую тему и мелодию стиха. Неудовлетворенность собой вела к еще большему, уже хроническому пристрастию к алкоголю. Он стал пропускать занятия в институте, о чем Р.Рождественский дипломатично писал: «Строгие учителя вряд ли бы поставили ему пятерку по поведению». Руководитель поэтического семинара Сергей Смирнов напомнил даровитому поэту, «что талант является не твоей личной собственностью, а государственным достоянием, и его надо беречь как общественную собственность», но всё было бесполезно. После двух с половиной лет учебы В.Морозов был исключен с третьего курса очного отделения Литератур-

ного института. О своём самочувствии в тот момент он мог сказать стихами из любимой им поэмы С.Есенина «Черный человек»:

*Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.*

Между тем до первого крупного успеха оставалось совсем немного: в начале 1953 года «Комсомольская правда» опубликовала стихотворение В.Морозова «Одинокий», на которое в газету поступили сотни откликов. Одновременно стихотворение появилось на страницах журнала «На рубеже» (1953, №2) и в том же году было отмечено К.Чистовым как одно из лучших в жанре лирики. Критик приходил к выводу, что В.Морозов обладает умением в самом глубоком смысле этого слова жить со своими героями, внушить читателю через поэтическую деталь, отдельный образ, штрих ощущение закономерности изображаемых чувств и взаимоотношений основных героев: «Голос молодого поэта крепнет... Ему не изменяет точность, он находит простую и верную, типическую для психологической ситуации реалистическую деталь, несущую одновременно и смысловую, и эмоциональную нагрузку, создающую в сознании читателя яркий образ героини».

Этой героиней в стихотворении стала пережившая войну и рано расставшаяся с мужем женщина. Она прошла через все испытания эвакуации, сохранила жизнь себе и сыну Андрею, начала устраивать мирный быт в родном городе, и в этот момент в квартире появляется одинокий и седой мужчина, о котором сын уже успел забыть. Встреча с бывшим мужем – для женщины и с бывшим отцом – для сына становится для обоих огромным стрессом. Поэт с удивительным чувством такта описывает переживания всех троих, выделяя в первую очередь поведение женщины. Она ведет себя с исключительным достоинством и вместе с тем с пониманием печальной судьбы того, кто когда-то оставил её, а теперь вернулся и просит места у домашнего очага, но понимает бесполезность своих усилий и уходит, на этот раз навсегда:

*Потом поднялся,
вышел, не прощаясь.
Закрылась дверь. Защелкнулся замок.
Бутылка непочатою осталась,
Нетронутым остался и пирог...*

*Вздохнула мать:
– Его пугает старость,
Он одинок, он очень одинок... –
И, как всегда, спокойно встав со стула,
Прильнула лбом к холодному окну...
А гость
дождю навстречу
шел сутуло,
Забыв под шляпой спрятать седину.*

Для К.Чистова было важно на примере В.Морозова подчеркнуть, сколь необходимо для русской поэзии Севера научиться создавать значительные человеческие характеры, чтобы мысли и чувства, выказанные в стихах, были выношенными, выстраданными, идущими от сердца лирического героя. Этим достоинств К.Чистов не нашел в цикле стихов Алексея Титова «Обновленная земля», в поэмах Бориса Шмидта «Лесной поток» и Юрия Чепасова «Семья», в стихотворении Александра Иванова «Имени Ленина» (о создании Волго-Донского канала) с характерным для них скольжением по поверхности явлений, отсутствием серьезного конфликта. Зато он высоко оценил поэзию В.Морозова, с которой, судя по точно расставленным акцентам, опытный академический исследователь связывал свои надежды на возрождение лирики в творчестве северян.

В том же 1953 году в сборнике стихов молодых поэтов Карелии «Молодость» было опубликовано сразу семь стихотворений В.Морозова. Программное из них – «Моё поколение» давало ясное представление о патриотической цельности и высоком накале авторских чувств. Интересы страны, государства, Родины для поэта – святыня. В этом отношении В.Морозов близок С.Есенину, который, находясь в Западной Европе, с предельной ясностью выразил своё отношение к белой эмиграции: «Где бы я ни был и в какой бы черной компании ни сидел (а это случалось), – рассказывал он впоследствии, – я за Россию им глотку готов был перервать. Прямо цепным псом стал, никакого ругательства над советской страной вынести не мог. И они это поняли. Долго я у них в большевиках ходил».³

Таким же было поколение «детей войны», преданно любивших свою страну и готовых выдерживать любые испытания ради победы. Стихотворение «Моё поколение» начинается с описания эвакуации, когда после перенесенных страданий лирическому герою Вовке «непонятное слово война / становилось до боли понятным»; продолжается картиной возвращения домой в 1945-м в разрушенный войной город («Зареветь от обиды хотел, – / промолчал») и завершается новой встречей с

повзрослевшим, «сильным, лобастым и ловким» героем спустя несколько лет («Он влюблен по-мальчишески в жизнь – / в ту, что строит руками своими»). Влюбленным в жизнь романтиком нарисован в стихотворении «О настоящем» выпускник вуза, «инженер в студенческой куртке», который предлагает девушке из Москвы поехать с ним в тундру, на что она отвечает отказом. Автор не скрывает своей позиции в этом конфликте:

*Тот, кто в жизни
не настоящий, –
настоящим в любви не будет!*

В.Морозов и сам очень хотел стать «настоящим в жизни и любви», изменить образ жизни, занять достойное место в обществе. Он всё чаще задумывался над вопросами о смысле жизни и порой пребывал в растерянности, как это случалось с его кумиром С.Есениным, который писал из Москвы Г.А.Панфилову в начале 1913 года: «Жизнь... Я не могу понять её назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни. Он указал только, как жить, но чего этим можно достигнуть, никому не известно... Мы все-таки должны знать, зачем живем. Ведь я знаю, ты не скажешь: для того, чтобы умереть. Ты сам когда-то говорил: «А все-таки я думаю, что после смерти есть жизнь другая». Да, я тоже думаю, но зачем она жизнь? Зачем жить?» Свои раздумья С.Есенин заканчивал строками из начатого им стихотворения «Смерть».

Мысли о смерти настигали и В.Морозова. По воспоминаниям Елены Николаевы, «однажды, вернувшись из командировки, он мило сказал: «И Пушкин умер молодым, и Лермонтов, и мне жить не хочется». Мы посчитали, что это шутка».⁴ Но это не было шуткой, а свидетельством серьезности размышлений молодого поэта: «Зачем жить?» После оскорбительной для школьной «звезды» неудачи в московском институте и обидного возвращения домой без образования и профессии очень хотелось стать другим, истово верящим в лучшее будущее, и поэт пишет стихотворение «Счастье» (1954, 2 марта), где убеждает себя (и читателей), что

*Счастье –
это всегда движенье!
Слышишь ты,
понимаешь ты?
Счастье –
в трудности достижения
Неприступных вершин мечты.*

Одной из таких «вершин мечты» для В. Морозова было написание крупной лирической поэмы. Он несколько раз подбирался к исполнению своего желания. Опубликовал отрывок из поэмы о выпускниках «На светлом пути» (Молодой большевик, 1950, 13 июля), начал работу над поэмой о поморах, от которой остался лишь «Петров кафтан». Наконец, накопленное годами мастерство соединилось с вдохновением, и на свет появилась лирическая повесть «Анастасия Фомина» (На рубеже, 1954, №2), позднее названная доктором филологических наук Л.Я.Резниковым «одной из лучших лирических поэм в поэзии Карелии».⁵

В поэме «Анастасия Фомина» талантливо сочетаются характерные для лиро-эпического жанра признаки эпоса и лирики, сюжетное повествование о событиях военных лет – с лирическими отступлениями, психологическая мотивировка рассказа – с прямым участием автора в разворачивающихся событиях. В.Морозов выступает прямым наследником классиков этого жанра и в первую очередь автора поэмы «Анна Снегина» Сергея Есенина.

Среди специфических жанровых черт как «Анны Снегиной», так и «Анастасии Фоминой» – присутствие рассказчика от первого лица, который идентифицирует себя с автором. Это позволяет выдавать за истину реальные происшествия и встречи. Рассказчик от первого лица в обеих поэмах повествует, с одной стороны, о своих переживаниях и встречах, а с другой стороны – о своем времени и современниках. Оба поэта, органически связанные с эпохой, являются сторонниками рожденного ещё до революции славянского романтизма, в котором доминирует сознание органической связи личности с нацией, тесной связи национальных идеалов с общечеловеческими этическими проблемами. С.Есенин – в рассказ о событиях революции и гражданской войны в поэме «Анна Снегина» и В.Морозов – в повествование о событиях Отечественной войны в поэме «Анастасия Фомина» сумели вдохнуть новую жизнь, наполнить произведения чувством земного бытия с думами, страстями, радостями, надеждами и разочарованиями отдельной личности. При этом в творчестве В.Морозова органическое восприятие традиций его предшественников сочеталось с современным переосмыслением этих традиций. Поставив в центре художественного познания отдельную личность, В. Морозов существенно расширил диапазон этого познания за счет его насыщения социально-политической проблематикой объективной действительности, тесного сочетания субъективного и эпического начал.

Следует учитывать и читателя, к которому были адресованы опубликованная в 1925 году поэма

«Анна Снегина» С.Есенина и увидевшая через тридцать лет поэма «Анастасия Фомина» В.Морозова. В образе своей героини С.Есенин отразил черты дочери помещика из села Константинова Л.И.Кошиной, – «молодой, интересной и образованной женщины, владевшей более чем десятью иностранными языками». ⁶ Но в 1925 году, по воспоминаниям В.Наседкина, «прекрасная лирическая поэма не имела большого успеха» в аудитории, которую составляли победители в гражданской войне. Иное отношение ко всему рассказанному в «Анастасии Фоминой» В.Морозова было в 1954 году у вчерашних фронтовиков и «детей войны»: историю одинокой женщины, взявшей из детского дома умиравшего от туберкулеза мальчонку и спасшей его от смерти они восприняли как лично пережитое, настолько еще были свежи воспоминания об Отечественной войне.

В «Анастасии Фоминой» на первый план выходят свидетельские показания военного детства, с чего, по мнению В.Акаткина и Л.Таганова, и началась разработка военной темы в молодой послевоенной поэзии: «Начинается с предельно обнаженно-го повествования о буднях войны, о том, что открылось тут ребяческому взору и что к середине пятидесятых годов осознавалось молодыми поэтами выстраданной правдой, необходимой нашей литературе... Послевоенная поэзия заговорила трудно, преодолевая боль воспоминаний. Порой от волнения срывался голос... Холод, бесхлебье, патронные гильзы вместо игрушек, черные похоронки, осколки мин, летящие в глаза ребенку, – этого не забыть... Не случайно центральным образом этой поэзии стал образ женщины-матери, жены, вдовы, олицетворяющей трагическую сущность войны, безмерность платы за нашу победу». ⁷ Такова и героиня поэмы «Анастасия Фомина», чья сила характера, верность слову, глубокая женственность в проявлении чувств и мужественность в выполнении долга присущи многим женским образам нашей литературы, начиная с пушкинской Татьяны. Но прежде чем читатель встретится с ней, ему предстоит выслушать исповедь взрослого человека, который спустя десять лет после войны решил посетить спасшую его женщину в провинциальном городке, –

*Когда здесь был глубокий тыл,
И шла война, и я сюда
Доставлен с детским домом был.*

Чем закончится этот визит, читатель узнает только в финале поэмы, а пока перед глазами ли-

рического героя встают трагические картины пережитого им в годы войны:

*Ночами спал недобрым сном,
А просыпался, весь дрожа.
Мне снова снился взрыва гром,
И затонувшая баржа,
И в небе черный самолёт,
Далекого пожара свет,
Вода холодная, как лед...
Кричу я:
– Мама! –
Мамы нет.
Она смогла спасти меня.
А я спасти её не мог.*

Испытанное ребенком тяжелое нравственное потрясение объясняется не только разрушением еще недавно владевших его душой мечтательных идеалов и смертью матери на его глазах, но и глубоким чувством собственной вины во всём происшедшем («А я спасти её не мог»). Эту удивительно точную деталь могли найти только те «дети войны», на глазах которых умирали от голода и холода, погибали во время налетов вражеских бомбардировщиков близкие и дорогие ему люди, а помочь им, спасти от смерти не было ни сил, ни возможностей. Далее с потрясающей достоверностью передаются душевные страдания ребенка, внезапно почувствовавшего своё одиночество и свою ненужность никому в этом большом страшном мире войны:

*И я лежу, слепой от слез,
Неоперившийся птенец,
Во мне живет туберкулез.
Я слышу снова: – Не жилец.*

Пережитое, выстраданное В.Морозовым в годы войны придает стихам особую внутреннюю убедительность. Поэма с самого начала насыщена внутренней тревогой, беспокойством, сердечной болью. Душа мальчика разрывается уже не только от пережитых им ужасов войны, но и от страха умереть на больничной койке, вдали от малой родины, среди равнодушных людей, готовых поспешно вынести еще живому человеку смертный приговор («Не жилец»). На предельной высоте этих трагических переживаний, в «конце неначатого дня», откуда-то со стороны «пришла она, / усыновившая меня – / Анастасия Фомина».

Как известно, в русских народных социально-утопических легендах XVII–XIX веков есть немало легенд об «избавителях», среди которых имеется

и несколько женщин – «избавительниц», причем в России они бытовали особенно активно и продолжительно. «Избавление должно откуда-то прийти – с этой верой крестьянин не мог расстаться, – писал К.В.Чистов. – Образ «избавителя» был персонафикацией этой веры». А.Н.Веселовский связывал специфическую природу сюжета легенд об «избавителях» с их своеобразной социально-бытовой функцией, сказав, что в этом случае речь идет не только о «народно-поэтическом, но и народно-политическом веровании».

Те, кто пережил Отечественную войну, помнят, насколько сильна была в народе вера в «избавителя», и это действительно можно назвать «народно-политическим верованием», вселявшим надежду и приближавшим День Победы. Так и в поэме В.Морозова к исстрадавшемуся мальчугану не могла не прийти откуда-то со стороны спасительница его жизни – к этому призывала автора сложившаяся в отношениях между русским фольклором и литературой традиция обращения к фольклору как к национальному достоянию.

С момента появления Анастасии Фоминой в больничной палате у мальчугана начинается счастливый поворот в его жизни: он увезен из детского дома, окружен материнской любовью овдовевшей женщины. В нем просыпается жажда жизни, а вместе с ним – эгоизм молодого человека, выздоравливающего после болезни и требующего все больше еды для восстановления сил. Он воспринимает как само собой разумеющееся, что Анастасия Фомина из суточного пайка выбирает для него кусок побольше, а себе – поменьше. И только спустя десять лет сердце уже ставшего взрослым человека пронзает мысль, что он «выжил в благодарности ей, / недосыпавшей по ночам, / недоедавшей много дней...»:

*Но разве знать тогда я мог,
Что, чем я становлюсь сильней,
Чем ярче мой румянец щек,
Тем цвет лица её бледней.*

В душе лирического героя возникает чувство вины перед той, которая спасла его и которая так и не дождалась в последующие десять лет ответной благодарности. Это очень точное наблюдение автора, которое соединяется с чувствами переживших войну читателей: многие из них так и не сумели воздать должное своим «избавителям». Герой не только выражает свои эмоции, но и анализирует, размышляет, предстает как человек, полный колебаний, противоречий, внутреннего смятения.

Лирика В.Морозова, при всей её эмоциональности, не оторвана от непосредственных челове-

ческих судеб и конкретных характеров. Казалось бы, самой Анастасии Фоминой отведено не так много места, но автор мастерски в одном-двух штрихах умеет раскрыть всё духовное богатство этой замечательной русской женщины. Лирический герой поэмы не может забыть «большую теплую ладонь» своей спасительницы, когда она вела его к себе домой; долгие часы ожидания своей кормилицы, которая «на дальней фабрике своей / была с утра и дотемна»; слезы радости на её лице при известии, что у мальчика нашелся отец:

*Смахнула слёзы, дрогнул рот,
И прошептала наконец:
– Ты ждал, и он к тебе придет.
Он отыскался, твой отец. –
Обнять её, расцеловать,
Потом бежать не чужа ног...
Она могла меня понять,
А я понять её не мог.*

Последнее двестишье, при всей своей внешней краткости и сдержанности, обнажает сложность и противоречивость переживаний героини (радость за мальчика, горечь от мысли о расставании с ним; духовное благородство «избавительницы», которая завершила свою миссию спасения и готова тихо отойти в сторону). Но в те секунды, объятый радостью скорой встречи с отцом, мальчик еще не мог осознать всю сложность ситуации. Понимание пришло спустя десять лет, но было уже поздно. Встреча с Анастасией Фоминой так и не состоялась. Как объяснила соседка, «она уж год как померла». Война, нужда, туберкулез подкосили силы Анастасии Фоминой, и пришедшему к ней на покаяние взрослому мужчине остается только прошептать: «Прости меня. Я опоздал».

По содержанию поэмы «Анастасия Фомина» В.Морозова нельзя судить о биографии автора, ее конкретных событиях и фактах в их хронологической последовательности и связи. Вместе с тем поэт не отсекает поэму от конкретных событий войны (в момент эвакуации населения Петрозаводска в 1941 году несколько барж с женщинами и детьми были потоплены вражескими самолётами, а спасенные из воды и осиротевшие дети были размещены в детских домах). В центре поэмы стоит образ одного из «детей войны», с которым почти сливается авторский образ. Поэтический дневник объединен единством личности, индивидуальностью человеческого характера. Лирическая тема раскрывается через внутренний диалог, в котором отражается движение авторской мысли. В поисках высшего идеала человеческой жизни В.Мо-

розов устремляется в страну военного детства, где, в отличие от окружающей его действительности, он встретил людей высокой нравственной ответственности, стойкости и силы духа.

О том впечатлении, которое поэма производила на умы и сердца переживших войну людей, можно судить по воспоминаниям народного писателя Карелии Антти Тимонена:

«Однажды накануне выборов в Верховный совет СССР нас с Володей позвали выступить на одном из агитпунктов. Зал был переполнен. Главным образом пожилыми людьми. Оглядев аудиторию, Володя шепнул мне:

– Знаешь, я буду читать стихи. Прочту поэму «Анастасия Фомина».

Он читал не со сцены, а расхаживал медленно, задумчиво в проходе между рядами. И будто не читал, а рассказывал, просто, искренне, задушевно. Он читал и смотрел в глаза то одному, то другому из слушателей, словно спрашивая: «Да что мне вам рассказывать, сами знаете – ведь так было!» А сам он – кудрявый, молодой юноша с открытым, еще почти детским лицом. «Да, так было», – кивали люди. Старые женщины вытирали уголком платка увлажненные глаза. И казалось, они вот-вот скажут: «Спасибо, сынок, что добрым словом вспоминаешь!»⁸

Сразу после публикации поэмы, уже в следующем номере, журнал «На рубеже» (1954, №3) печатает лирические стихотворения В.Морозова «Нет, озеро совсем не изменилось...» и «Наверное, оттого мы...». Личной, автобиографической темой, объединяющей эти два стихотворения, служит переданное искренне и выразительно чувство разлученной любви. Оба стихотворения воспринимаются как дневник поэта, в котором прослеживается история любви от начала до угасания. В первом из них образ бывшей возлюбленной возникает у героя на берегу Онежского озера. Здесь когда-то он грустил о «чужой невесте и неприступной сверстнице», проклинал свою судьбу и в отчаянии на лодке выходил в открытое ветрам и волнам Онего, «чтоб с озером побыть наедине». В те минуты юноше казалось, что озеро понимает его душевные терзания, разделяет его чувства. Но прошли годы, и повзрослевший герой осознает, насколько ничтожны человеческие страсти перед лицом вечности. Любовь ушла, а «озеро совсем не изменилось, / все так же нежно гладило причал». Каноули в прошлое взаимные обиды, ревность к «тому, кто между нами третьим был». Осталась лишь благодарность женщине, ставшей в воспоминаниях олицетворением чистоты и святости любви. Поэт обращает свой взор к любимому им с детства озеру и видит, что оно, как и раньше,

*Таким же яснооки́м оставалось,
Глубоки́м и кристальной чистоты.
Сейчас мне почему-то показалось,
Что очень на него похожа ты.*

В стихотворении «Наверное, оттого мы...» рассказывается история сложных человеческих отношений между мужчиной и женщиной, которые незаметным образом охладели друг к другу и пытаются разобрататься в причинах отчуждения. В душе поэта нет полного разрыва с прошлым, женщина еще может негаданно присниться «в нелепом тревожном сне», но вернуть прежнюю свежесть любовного чувства невозможно:

*Мы слишком знакомы долго
И слишком давно дружны.*

И поэма «Анастасия Фомина», и стихи (опубликованные и неопубликованные) давали право поэту претендовать на издание своей первой книги. Рукопись в своё время была представлена на обсуждение в Союз писателей. Что из этого вышло – вспоминает Всеволод Иванов:

«Как сейчас помню, в большой комнате Союза писателей Карелии, который тогда находился на площади Ленина, на заседание поэтической секции пришли прозаики, критики, работники аппарата – едва ли не всё население старинного дома. Ждали лишь виновника торжества. А в том, что должно произойти именно торжество, сомнения ни у кого не возникало. Рукопись Владимира Морозова прочитали все, и мнение было на редкость единодушным: сборник надо издать, и чем скорее, тем лучше. Ждали полчаса, час... И не дождались. Оскорбленные мэтры разошлись, мечта грома и молнии по адресу «зазнавшегося мальчишки», который так наплевательски к ним отнесся. И сказали мстительные мэтры: теперь за нами набегаетесь... А зазнавшийся мальчишка в это время был совсем рядом – в столовой на первом этаже того же здания, где отмечал... рождение своего первого детища, сборника, вместе со своим «другом», который его туда и затащил, чтобы «хватить» для храбрости. Хватили...»⁹

Помимо проявленной молодым поэтом такой безответственности в решающий для его поэтической биографии момент были и другие причины в задержке публикации первой его книги. Контролировавшие издательскую политику партийные органы не могли согласиться с тем очевидным фактом, что непосредственно политическая, гражданская тема занимала в творчестве В.Моро-

зова скромное место. Он утверждал в своём творчестве человеческое достоинство, честь, независимость свободной личности, её влечение к дружбе и любви – всё то, что противостояло влиянию официального режима. На Втором съезде писателей КФССР (23-25 сентября 1954 г.) В.Морозов прочитал стихотворение «Собака», которое, по словам Всеволода Иванова, «заставило насмерть перепугаться» сидевших в президиуме съезда партийных и литературных чиновников: «Спешно собрали партийную группу съезда, стали решать, как отреагировать на «антисоветское выступление», как быть с автором «очернительного стихотворения». Была в биографии В.Морозова и «черная» метка – исключение из государственного вуза за «недостойное поведение», а это само по себе ставило под вопрос включение его книги в издательские планы. К тому же повторно организовать и пройти обсуждение рукописи он просто не мог, поскольку его рекрутировали в армию и он нес службу в далеком Заполярье.

За весь 1955 год зафиксирована лишь одна публикация В.Морозова – поэма «Мальчишки» (На рубеже, 1955, № 3), которая очень быстро вошла в круг любимого чтения юношества. Всеволод Иванов вспоминал случай, который произошел на литературном вечере в Доме культуры Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината: «Выступали наши поэты. Люди разных возрастов и профессий внимательно слушали стихи. Затем один за другим стали выступать читатели. Пожалуй, мало кто заметил, как на сцене очутилась невысокая девочка в коричневой школьной форме и белом переднике. Она на минуту зажурилась от не очень уж яркого света клубных юпитеров и, как-то зябко поведя плечом, сказала:

– А сейчас я прочту поэму, которую очень люблю. Слушайте. Владимир Морозов. «Мальчишки».

Это было неожиданностью не только для зала, но и для президиума. Кто-то засмеялся, на него зашикали. Девочка еще больше смутилась, но после первых же строк звонкий голос ее зазвучал в притихшем зале уверенно, даже вдохновенно:

*Снежинки кружат у оконниц
На крылышках легких своих,
Похожи снежинки на школьниц,
А школьницы
 чем-то на них.*

Казалось, это о ней написал поэт, сумевший вложить большое чувство в такие бесхитростные, прозрачные строки. И хоть едва ли многие из слушателей до этого знали стихи В.Морозова, тем бо-

лее и на вечере его не было, но когда девочка наизусть, без запинки прочла всю поэму и сбежала по ступенькам в зал, долго гремели аплодисменты». ¹⁰

Поэтическая мысль В.Морозова и ранее отличалась непосредственностью и импульсивностью, интересом к эмоционально-чувственным, страстным движениям души. Так же, как С.Есенин просил своих читателей «главным образом обращать внимание на лирическое чувство и образность», так и В.Морозов был особенно привязан к традиционным жанрам романтической поэзии, к лирическому дневнику, исповеди, к внутреннему монологу, которые в большей степени, чем другие жанры, могли раскрыть диалектику души. В этом отношении поэма «Мальчишки» не могла не привлечь ясностью и прозрачностью поэтического замысла, лиризмом, богатством красок, художественной выразительностью в рассказе об охватившем юного героя любовном чувстве. В.Морозову дороги воспоминания о своей юности, которая с высоты лет представляется лучшим, самым светлым периодом его жизни, отрешенным от земной суеты, от мирских соблазнов и пагубных порывов. Поэт с наслаждением воссоздает «полеты фантазии дерзкой» своих сверстников, «детей войны», начавших постепенно возвращать в душе веру в светлое будущее, стремиться к добру, красоте и гармонии и с удивлением ощущать силу первой влюбленности – чистого в этом юном возрасте, светлого, «святого» чувства, память о котором остается у человека на всю жизнь. В поэме постоянно ощущается присутствие автора, для которого история подстроенной школьными друзьями драки с влюбленным в одноклассницу парнишкой (ради того, чтобы девочка оценила его силу и смелость) пусть и выглядит «смешной», но так понятна и привлекательна своей наивностью, нравственной чистотой. В героях поэмы В.Морозов ищет отражение своего внутреннего мира, того, что происходит в его душе, что тянет к размышлениям о «естественном человеке», не испорченном цивилизацией, еще не успевшем испытать воздействие социальных обстоятельств, эпохи политического безвременья. И тогда оживает в его взрослой памяти образ той девочки, ради которой он и написал поэму:

*Мечта уходящего детства,
Мечта о возможной любви,
Две ямочки – признак кокетства –
Украсили щеки твои.
Слегка по-татарски раскосо
Твоё удивление глаз,
В которых молчанье вопроса:
«Да где же я видела вас?»*

соких принципов и идеалов надевший военную форму поэт считает неприемлемой. Поэтому столь сурово в стихотворении «На марше» он осуждает сослуживца, который в походе сослался на боль в ногу и позволил тащить его на носилках до привала, где ногу осмотрел полковой врач и все услышали –

*Презрительный голос:
– Здорова вполне! –
Растертый плевок
Каблуком сапога.
Молчание роты, понятное мне.*

Мещанская психология разоблачается и в стихотворении «Соседка» – о сплетнице, которая поражена язвами обывательской психологии и морали, готова разрушить счастье девушки и её любимого парня, который несёт службу в Заполярье. Но поэт уверен в победе добра и наказании зла, в крепости любовного чувства:

*Я дверь распахну,
Я найду твои руки
И губы, которыми грезил во сне...
Глаза у соседки твоей близоруки –
Она, отступая, наденет пенсне.*

Иной, трагический, подтекст носит «Баллада о темном пятне». В ней рассказывается о драме пожилой супружеской пары, сын которой был в годы войны расстрелян «святой карающей рукой / его однополчан». Портрет сына, висевший на стене, был сожжен родителями бессонной ночью после получения известия о приведении приговора в действие. С той поры на месте портрета – «с квадратом темного пятна / раздетая стена».

Это не единственный случай, когда в «армейские» стихи В.Морозова вторгается тема минувшей войны. Тот несколько приподнятый тон, который был свойствен иным стихотворениям начала 1950-х годов, понемногу уступает место большей вдумчивости, стремлению к психологической глубине. В.Морозов стремится не только как можно ближе стать к духовному опыту современника, но и связать его с событиями и переживаниями войны. В стихотворении «Раздумья о часовой» идет именно такая установка читателя на восприятие минувших дней, вчерашних незаживших ран и невозвратимых потерь:

*Стара у клена гимнастерка,
А новой клену не дают...
Стопнулись камни у озера
И, словно овцы, воду пьют.*

*У валунов недвижна лодка
Лежит на желтизне травы,
Как пулей сбита пилотка
С солдатской бритой головы...*

Но не всегда двадцатилетний часовой «напряженными руками / сжимает чуткий карабин». Долгая солдатская служба еще более обостряет юношеские желания радости и счастья, ведь, как признается поэт в стихотворении «Дочь лесничего»:

*Не целованы мы девчатами
С той поры, почитай, когда
Стали нас называть солдатами
И потом привезли сюда.*

Среди сопков, в лесу, где «непуганый бродит лось», взору солдат предстает дочь лесничего, неопишуемая, на их взгляд, красавица, в которую все они тотчас влюбляются. Этот сюжет разрабатывается В.Морозовым в свежих, метких, неожиданных наблюдениях, в свободных переходах от одной тональности к другой, в размышлениях о счастье, любви, совести. Никто так и не удосуживается стать «единственным». Именно осознание солдатской чести подсказывает сослуживцам, что в поисках настоящей любви нельзя размениваться на мимолетные чувства. В их глазах неподкупная, исполненная нравственного достоинства дочь лесничего становится примером лучших качеств женщины, в том числе и той, которая ждет солдата по возвращении его домой.

Проведенное в армии время стало для В.Морозова настоящим «университетом жизни». В стихотворении «О покое» лирический герой вспоминает службу в Заполярье с добрым чувством. Уже находясь дома, где родные «от радости смеялись и плача, / несут мне лучшие из блюд», герой вдруг понимает, что ему «чего-то не хватает в блаженной этой тишине»:

*И понял я,
Вчерашний воин,
Что после будней боевых
Покою
Я обеспокоен –
Тем, от которого отвык.*

Время властно требовало от В.Морозова занять активную позицию, трезво разбираться в событиях, подумать об издании стихотворений и поэм отдельной книгой, а то и двумя сразу, тем более, что отлично пройденная служба в армии и

циклы написанных там стихов снимали всякие разговоры о неудачах в прошлом.

С 24 по 26 декабря 1956 года в Петрозаводске проходило очередное Республиканское совещание молодых писателей. Командование отпустило для участия в нём В.Морозова. Там автор этой книги вновь встретился с поэтом. Его стихи обсуждались в секции поэзии, а моя повесть «Тайный талант» – в секции прозы. В перерывах Володи был окружен молодыми поэтами и друзьями по Литературному институту, где ему удалось восстановиться на заочном отделении, и пользовался большим успехом у прессы. Чувствовалось, что он обрел прежнюю уверенность в себе, гордится успешным прохождением армейской службы. От него, как это было в юности, лучились духовная энергия и доброта, уверенность в будущем:

*Забудь, товарищ, про усталость,
Остаток силы собери,
До цели нам с тобой осталось
Шага четыре или три.
Над нами – голубое небо,
Под нами – облаков гряда.
Здесь, на вершине этой, не был
До нас никто и никогда.*

Большие надежды В.Морозов возлагал на свою книгу, которая была включена в план Карельского книжного издательства на 1957 год. В ходе обсуждений рукописи в различных инстанциях звучали голоса о необходимости открыть её «лозунговым» стихотворением, которое бы свидетельствовало о согласии вчерашнего «возмутителя спокойствия» с курсом партии. У поэта уже было опубликовано отличное стихотворение «Родина», которое и могло задать тон будущему сборнику стихов, но оно не устраивало сознательным уходом автора от ставших общим местом фраз о патриотизме («Ведь ты не станешь слабже оттого, что / я не скажу опять, как ты сильна»).

«Морозов – бунтарь по натуре, был неугоден высшему начальству, чиновникам от пера, – вспоминал Ю.Башнин. – Сколько его помню, его всегда поучали и «поправляли». На одном из совещаний секретарь ЦК компартии республики Л.Лубенников не менее полчасика втолковывал поэту, как надо «в наше героическое время» освещать тему патриотизма».¹¹ Чтобы спасти издание первой книги, В.Морозов пишет стихотворение «Партии», которое заканчивалось совсем уж не свойственными дарованию поэта строками:

*Твои стремленья –
есть мои стремленья.
Ты вся – в моей,
я весь – в твоей судьбе.
Ты мне дала
и ум, и вдохновенье.
Я благодарен,
партия,
тебе.*

Это стихотворение, открывавшее книгу В.Морозова «Стихи о настоящем» (Петрозаводск, 1957), придавало ей совершенно ненужный имиджу поэта идеологический оттенок и оставляло её вне обочины от требовавших перемен общественных настроений, которые выплеснулись в стихах, прозвучавших в 1957 году на первом поэтическом вечере в крупнейшей аудитории страны в Лужниках.

Сразу после «Партии» в сборнике шел раздел «Сердце солдата» из пяти стихотворений об армейской службе («Полярной ночью», «Дочь лесничего», «О покое», «Мы вернемся», «Отправляется поезд»), которые сами по себе были профессионально исполнены, но не выходили за пределы выдвинутой социалистической эстетической проблемы социального содержания личности, ее отношения с обществом.

В следующий раздел («Отцы и дети») редактор А.Г.Морозова отобрала стихотворения, должны продемонстрировать единство духовных устремлений фронтового поколения с «детьми войны» (в том числе «Отец», «Петров кафтан», «Вот так новости дня!»). Новыми для читателя из этой пятерки были «На дальнем хуторе» и «Долина смерти». Сюжет первого стихотворения был построен на истории пожилой финки, которая после отодвинутой на запад государственной границы в результате поражения Финляндии оказалась на советской территории, желая умереть в родных местах. Она живет воспоминаниями о погибшем в войну сыне; её хозяйство запущено, забор обвалился, «сарай без дров, колодец без воды». При виде обрушившихся на неё несчастий оказавшиеся поблизости солдаты «помочь решили ей – недаром мы тимуровцами были». Втайне от женщины, не спрашивая у неё разрешения, они наносили воды, накололи дров, пропололи огород. Эта простая история вряд ли могла стать темой произведения, если бы речь не шла о помощи матери финского солдата, погибшего в боях с русской армией. Кульминацией стихотворения является появление хозяйки дома, чей портрет мастерски нарисован поэтом: «Бескровное лицо. / Глаза бесцветны. / Ржавые ресницы... / Взмахнула шалью, выйдя на крыльцо, / Как старая испуганная

птица. / Нас нелюдимым взглядом обвела». Несколько точных деталей – и становится понятна тяжесть переживаний, обрушившихся на женщину, её плохо скрываемая ненависть к русским в военной форме, от которых она не ждет ничего хорошего. Но вот она обратила внимание на заполненные водой кадки, забитый дровами сарай, на молодых, по возрасту схожих с её сыном солдат, которые стирают с лица пот, – и откуда-то из глубины души явилось тихое материнское чувство благодарности:

*Пошла старуха медленно обратно,
И дрогнул впалый молчаливый рот,
По-фински что-то прошептал невнятно.
Потом вернулась, сгорбившись слегка,
И нам руками тонкими, как ветви,
Подавала молча кринку молока,
А мы:
– Не надо, бабушка! –
в ответ ей.*

Реалистически конкретное и субъективно окрашенное начало тесно связаны в этом стихотворении, переплетаются и образуют единый сплав, создавая образы, имеющие большую силу эмоционального воздействия.

Что касается «Долины смерти» (с подзаголовком «Из поэмы»), то это стихотворение продолжает цикл исповедальных воспоминаний пережившего войну ребенка. На этот раз лирический герой, десятилетний школьник, вспоминает день, когда в семью пришла похоронка. В этот момент он чувствует и горе, и тревогу за бьющуюся в рыданиях мать:

*Стала черной портрета рамка;
Обессонела тишина...
Я беречь тебя буду, мамка,
У меня ты теперь одна.*

Юный герой хочет быть сильным, мужественным («Не хочу, чтоб меня жалели»). Он собирает все силы и идет в школу, намереваясь никому не говорить о происшедшем, ни с кем не делиться горем. По дороге сама природа сочувствует ребенку:

*В лужах за ночь вода застыла,
И со всех четырех сторон
Небо в трауре скорбном было
От паломничества ворон.*

Учительница рассказывает о «Долине смерти», что еще более накаляет стрессовое состояние мальчугана. Из школы он идет с девочкой, «одноклассницей-синеглазкой», в которую тайно влюб-

лен. В какой-то момент у осиротевшего мальчугана не выдерживает душа.

*И как слезы мужские,
жгучие,
Скупое, горько текут слова...
И девчонка глядит на тучи –
Запрокинута голова.
И как горькое утешенье,
Мне роняет в ответ она,
Что такое же известье
В дом её принесла война.*

Из лирически прозрачной тональности стихотворения вырастает ощущение значимости пережитых «детьми войны» страданий. Поэт умеет показать героев в конкретно и пластично обрисованной среде детства, остерегаясь приукрасить происходящее. Он умеет найти неожиданный и вместе с тем точный по своей мысли финал стихотворения, философски обобщающий всё сказанное ранее.

Удивительно, что в книгу (в раздел «Отцы и дети») не была включена поэма «Анастасия Фомина», чей одухотворенный художественный историзм выделял её среди других произведений, посвященных Отечественной войне. Зато четверть объёма первого сборника стихов В.Морозова издателя отвели его переводам стихов татарца Мусы Джалиля, финна Тайсто Сумманена, румына Иона Сафира и поляка Виктора Ворошильского.

Наконец, последний, давший название книге раздел «О настоящем» включал поэму «Мальчишки» и пять лирических стихотворений. Два из них («Стихи о настоящем» и «Счастье») славили молодого человека, решившего вопреки желанию девушки уехать на север. Одно – «Просвета нет на горизонте» – укоряло девушку, не пришедшую на свидание в дождливый день. Другое – «Наверное, оттого мы...» объясняло размолвку пары тем, что мужчина и женщина «слишком давно знакомы / и слишком давно дружны». Самым сильным в художественном отношении среди этой пятерки было стихотворение «Полынья». Заложенный в этом стихотворении подтекст многое проясняет в сложившейся вокруг поэта жизненной ситуации. Становится очевидным, что через судьбу одинокой утки с подбитым крылом и по этой причине вынужденной зимовать на реке автор иносказательно говорит о себе. Так же, как утка понимает, что она в своей с каждым часом уменьшающейся от морозов полынье ничем не может противостоять притаившейся на берегу лисе, так и поэт осознает смертельную опасность своему дарованию от окруживших его партийных «воспитателей». Перед обоими встает дилемма: стать покор-

ной жертвой сложившихся обстоятельств или в свой последний час достойно ответить на вызовы окружающей действительности. В самом способе разрешения ситуации проявляется затаившееся в душе поэта холодное отчаяние, которое так не гармонирует с привычным для окружающих обликом «безудержного оптимиста»:

*Что-то крикнув картаво
На птичьем своем языке,
Окунулася в воду
Невзрачная серая птица.
А мороз, наступая,
Над ней запаял полынью,
Ветер снегом засыпал...
Как холодно, пусто и немо!..*

Напомним, что одним из любимых произведений В.Морозова был «Черный человек» С.Есенина. Рассказывая о своей встрече с С.Есениным за две недели до его смерти, Н.Асеев вспоминал: «В тот вечер он читал «Чёрного человека», вещь, которую он очень ценил и над которой работал, по его словам, больше двух лет. И из-за неё передо мной вставал другой облик Есенина, не тот общеизвестный, с одинаковой для всех ласковой улыбкой, не то лицо «лихача-кудрявича» с русыми кудрями, а живое, правдивое, творческое лицо поэта, лицо, умытое холодом отчаяния, внезапно посвежевшее от боли и страха перед вставшим своим отражением... Перед нами вторая, мучительная жизнь поэта, сомневающегося в правильности своей дороги, тоскующего о «неловкости души», которая не хочет ничем казаться, кроме того, что она из себя представляет».

Так было и с В.Морозовым: окружающие привыкли видеть его всегда весёлым, улыбающимся, ласковым, эдаким «лихачом-кудрявичем» с русыми кудрями. На самом же деле душа его была раздвоена. Одной своей частью она продолжала жить в детстве и постоянно испытывала непреодолимое тяготение к счастливым воспоминаниям о годах, когда ему было так хорошо рядом с родителями и сестрой, в кругу восхищающихся его многочисленными талантами школьных ровесников. Другой своей частью она существовала в реальном мире современного бытия, где за всё надо было постоянно бороться и обязательно побеждать, чтобы оказаться на вершине успеха и славы, да и просто зарабатывать деньги. Вся эта материальная сторона жизни была для поэтической природы В.Морозова не просто чужда, но и непознаваема. Он был и оставался в обществе «белой вороной», часто испытывал муки одиночества, размышлял о смерти, как в стихотворении «Вечер, утро...»:

*Темно и беспросветно впереди.
Лишь тот желать такой погоды может,
Кто вынужден границу перейти,
Да тот,
кто руки на себя наложит.*

Долгожданная книга «Стихи о настоящем» не принесла поэту желанного спокойствия и уверенности. В местной прессе появились две рецензии: студента И.Гина «Стихи о настоящем» (Комсомолец, 1957, 13 окт.) и В.Иванова «В поисках настоящего» (На рубеже, 1957, №6), которые ограничивались общими словами. По воспоминаниям И.Гина, газета «Комсомолец» резко сократила положительную часть его рецензии, а замечания заняли значительное место в небольшом газетном тексте. Отсюда и реплика В.Морозова при встрече с молодым критиком: « – Старик, – сказал приветливо и открыто Морозов, стискивая мою ладонь, – старик, так о стихах не пишут...»

И.Гин объясняет сокращение рецензии тем, что в редакции газеты «хорошо помнили официальный разгром морозовской «Собаки». Казалось бы, прошло уже три года с того случая, поэт с честью прошел службу в армии, написал стихотворение «Партии», но отношение к нему не менялось, по-прежнему было настороженным и отчужденным.

Поэзия В.Морозова с её верностью есенинским традициям опережала тенденции, которые стали явственно проступать спустя десятилетие в молодой поэзии 1960–1970-х годов. Ещё не пришло время той новой поэтической генерации (В.Цыбин, А.Жигулин, А.Гордейчев), чьё внутреннее мироощущение, конфликтное и противоречивое, приближалось по своим изобразительным средствам к «Черному человеку» С.Есенина и с появлением которой завершилось засилье поэзии «утилитарной пользы», пробивавшей себе путь в Лужники лозунгами «громкой» гражданственности. Пока же бал правили в молодой поэзии Е.Евтушенко, Р.Рождественский, А.Вознесенский, Б.Ахмадулина, покорявшие залы открытой публицистической направленностью, тесно связанной с общественными потребностями момента. Пока В.Морозов защищал границу в Заполярье, эти его ровесники стали «звездами» и не собирались уступать место на поэтическом Олимпе другим поэтам из провинции.

Безусловно, гражданственность поэзии, идущая от традиций В.Маяковского, не может считаться недостатком, но сводить всю молодую поэзию 1950-х годов только к этому направлению было бы неправильно. Поэзия В.Морозова, будучи предте-

чей так называемой тихой лирики, отражала начавшиеся в советской литературе внутренние, глубинные процессы поиска новых путей в стихах медитативного склада, в пластически объёмном изображении жизни, в тяготении к классикам, к стиху, избегающему стилистической усложнённости и стремящемуся к прозрачности и ясности.¹²

Именно таким было стихотворение «Собака», три года пролежавшее в личном архиве поэта и опубликованное впервые в книге «Стихи», которая вышла в Москве, в издательстве «Молодая гвардия», одновременно с книгой «Стихи о настоящем». В стихотворении всего три персонажа: полярный летчик, его старая собака и молодая женщина, которую он привел в свой дом. Знакома и жизненная коллизия: в отсутствие улетевшего в командировку полярника жена приводит в дом любовника, но дороге ему преграждает верная хозяину собака, после чего ей уже не место в квартире. Вернувшийся домой хозяин «не услышал ликующего лая»:

*В дверях встречала грустная жена.
В глазах слезинки робкие застыли:
– Ты знаешь, милый, я поражена...
Вот так случилось... Бешенство... Убили... –
И в голосе сочувственная дрожь.
Жена его за шею обнимает...
Хозяин погрузил,
Да делать что ж:
В собачьей жизни всякое бывает.*

При всей простоте семейной ситуации стихотворение рождает особое переживание нежданного и тем сильнее пронзающего душу чувства тревоги. Лирическое «я» выступает здесь как образ очеловеченной воображением поэта старой собаки, которая, будучи преданной и обманутой, предпочитает уйти в обитель смерти и приобщиться к вечной жизни, не уступив наглому натиску озлобленного мещанства. Поэт недвусмысленно говорит, что судьба собаки – это и его судьба. Это он вынужден в одиночестве нести своё горе, тревоги, беды, брести с трудом по дороге жизни, будучи всегда зависим и от «хозяина», и от его слуг. Это его, как собаку, обманывают в лучших надеждах и открыто предают, приговаривая: «В собачьей жизни всякое бывает». Страшит исходное душевное состояние поэта,¹³ который не может преодолеть неприязни к себе, якобы слабому, бесхарактерному, безвольно плывущему по реке жизни человеку, который, как собака, не имеет права не только на свободу, но и на жизнь. Такое же испытывал в 21 год Сергей Есенин, когда писал:

*Пусть поглупее болтают,
Что их загрызла мечта;
Если и есть что на свете –
Это одна пустота.*

Как и С.Есенин, В.Морозов не знал предела в постижении человеческой личности. Он понимал, что за всё в этой жизни приходится платить. Для него самопознание являлось формой суда и над собой, и над обществом, которое в минуту отчаяния виделось «одной пустотой». Эту мысль не мог не почувствовать критик Вс.Иванов, который писал спустя два года после публикации «Собаки»: «В. Морозов здесь явно хватил через край. Всей системой образов, всем строем стихотворения он настойчиво убеждает читателя в том, что –

*Мало что на свете есть верней
Врожденной ситуации собачьей.*

Собака оказывается подлинным героем среди людей, не просто другом человека, как ей это положено, а как бы самым настоящим человеком и даже лучше; человек же, не только хозяйка, но и хозяин – по существу – «собакой», в самом дурном смысле этого слова. Отсюда и мрачная, так не идущая к светлой лирике В.Морозова концовка:

*В собачьей жизни
всякое бывает.*

Мысль о подлинном и настоящем тут явно скомпрометирована, идейная несостоятельность стихотворения очевидна».

По-иному думали читатели миниатюрной, в синем переплете, книжки В.Морозова «Стихи». Их не могла не увлечь художественная сила стихов автора, глубокое проникновение в те или иные явления жизни, мучительный путь самопознания, ведущий через противоречия эпохи к загадкам человеческого бытия, к цели и смыслу человеческого существования. «Каждое из стихотворений волнует, заставляет звучать какую-либо струну души»,¹⁴ – писала автору в марте 1958 года студентка С.Медведева из Томска.

Опубликованные две книги давали право В.Морозову стать членом Союза писателей уже в 1957 году, но этого не случилось. В поисках заработка он недолго поработал в газете «Комсомолец», где опубликовал фельетон в стихах «Превращение Секретаркина» (1957, 7 дек.). Сотрудничал он и с редакцией местной газеты «Юные ленинцы», где напечатал стихи в помощь пионерской самостоятельности «Доктор Пилюлькин и Ерема Веточкин в гостях у деткоров» (1958, 6 апр.). Но газетная «текучка», требовавшая присутствия в редакции в течение рабочего дня, не устраивала поэта. Отдушиной для него стало руководство литературным объедине-

нием при газете «Комсомолец», которое было создано в ноябре 1957 года. Влюбленный в поэзию, В.Морозов с уважением относился к творческой молодежи и многим открыл дорогу в литературу.

После издания двух книг он мало публиковался. Во второй половине 1957 года увидели свет стихотворения «Полковник в отставке» (Ленинская правда, 1957, 16 июня), «Баллада о скромности» (Комсомолец, 1957, 16 июля) и «Оловянный солдатик» (Комсомолец, 1957, 12 декабря). Первое из них поэт посвятил отцу своей жены С.А.Розову, который вспоминает «в тиши безлюдных комнат / войны, и походы, и бои». Второе повествовало о разном поведении на пионерском сборе трех людей, лично видевших Ленина (один из них, опоздав на час и приехав на «представительском» легковом автомобиле, с трибуны «твердил, как пешком наш Ильич ходил»). Более интересное впечатление производит стихотворение «Оловянный солдатик». Начатое в легкой разговорной манере и адресованное по внешним признакам детям, оно на самом деле иносказательно говорит о неудачно сложившейся, на взгляд поэта, личной судьбе. Так же, как и отправляющийся в плавание «по быстрому теченью весёлого ручья» оловянный солдатик, был «от счастья пьяный» В.Морозов, когда получил вызов в Литературный институт и торопился в Москву, будучи убежден, что вскоре «постигнет тайны моря, увидит океан»: но, пребывая в заоблачных мечтаниях, и сам поэт, и его оловянный солдатик не заметили, как их «ладья судьбы» повернула не к океану, а в провинцию, в сонную заводь. Здесь «тихо-тихо было / на розовой мели», и, чтобы выжить, пришлось присоединиться к хору местных аборигенов, для которых «сонная заводь сойдет за океан». И далее следуют два четверостишия: в одном признается духовное поражение оловянного солдатика – «счастливого капитана» (известно, что В.Морозов вначале хотел поступить в военно-морское высшее училище), а в другом звучит надежда на лучшее будущее для вступающего в жизнь нового поколения

*Слезой оловянной
Солдатик истечет,
И ложью океанной
Он правду наречет.
Но бросят капитаны,
Как прежде, якоря
В большие океаны,
В великие моря.*

При жизни В.Морозова его прекрасная лирика была практически незнакома массовому читателю, тогда как «проходное» стихотворение «Партии» с

1957 и вплоть до 1981 года постоянно включалось в различные сборники стихов (в 1981 году оно появилось в московской книге «Товарищ Партия»). Всё это не могло способствовать творческому вдохновению поэта. Самым крупным по объёму строк произведением в предшествующий его гибели 1958 год стал репортаж в стихах «Встречи на сплавной реке» (На рубеже, 1958, № 4, с. 3-8). В нём много строк посвящено «отчаянному труду сплавщика». Много восхищенных восклицаний при виде того, как «на бревнах гарцуют ребята, / сжав в могучих ладонях багры». Об истинном лирическом даровании поэта напоминают разве что описания природы:

*Словно стадо наивных овечек,
Волны ластятся к нашим ногам.*

В целом же этот репортаж был случайным эпизодом в поэтической биографии поэта, который в это время готовил книгу стихов для издательства «Советский писатель» и по установленному свыше порядку вынужден был включить в рукопись что-то на «рабочую» тему.

С новой книгой стихов у В.Морозова были связаны большие надежды. Он надеялся включить в неё все свои лучшие лирические стихи и поэмы. В издательстве «Советский писатель», где планировался выход книги «Рука друга», платили хорошие гонорары, и это тоже было не лишним для В.Морозова, жившего на случайные заработки. «Он был открытый, добрый, всегда готовый помочь своим друзьям и просто знакомым, – вспоминала сестра поэта Татьяна Красовицкая (Морозова). – Как-то он одолжил знакомому студенту для прохождения практики в школе свой единственный выходной костюм, и долгое время потом ему было неудобно попросить, чтобы костюм вернули. Я вообще плохо представляла, как он существовал в этом мире. 25 декабря 1958 года у него родился сын Павлик, он был счастлив, а 11 февраля 1959 года в Москве, где он был в связи с выпуском своей книги, случилось несчастье – Володи не стало».

В период между двумя названными выше датами (25.12.1958 – 11.2.1959) В.Морозов вплотную работал с издательством над содержанием будущей книги. В это время в стране достигла кульминации агитационная шумиха вокруг подготовки к Внеочередному XXI съезду КПСС, который проходил с 27 января по 5 февраля 1959 года. В докладе Н.С.Хрущева перед литературой и искусством была поставлена задача «активно способствовать формированию человека коммунистического общества». Соответствующие инструкции получили руководители издательства «Советский писа-

тель». На их взгляд, рукопись В.Морозова требовала сокращения, что и было высказано поэту при очередном обсуждении. Как пишет Анатолий Грачёв со ссылкой на друга поэта Ф.Бухмана и жену поэта Элли Сергеевну, «В.Морозов был очень недоволен этим обсуждением, многие стихи не прошли, их не приняли или просто не хотели принять. Наполовину «урезанная» книга стихов «Рука друга», будь она издана в полном объёме, по-новому раскрыла бы его талант, накрепко утвердила бы имя В.Морозова в русской поэзии. В этот же день в подмосковном городе Лыткарино и произошла трагедия, оборвавшая жизнь поэта».

В.Морозов покончил с собой таким же способом, как и С.Есенин. Возможно, что одной из причин такого поступка была присущая его кумиру С.Есенину «скрытая вера в переселение души. Ничто не дается без жертвы. Ни одной тайны не узнаешь без послания в смерть».¹⁵ Узнал ли эту тайну Владимир Морозов?

«В комнате, где его не стало – в Лыткарине под Москвой, – вспоминал Всеволод Иванов, – на століке около окна, неподалеку от висевшей в дверном проёме роковой детской качалки с ослепительно белой веревкой, остался лист бумаги, заляпанный чернилами. Как сейчас вижу строки, написанные его широким, но не размашистым почерком. Они врезались в память навсегда, хотя я их даже не записал. Вот они:

*Метель, метель, а мы сегодня пьяны.
Глаза у нас как бледная слюда.*

Зачеркнуто и снова:

*Метель, метель...
Словно в гору взбирался, тяжело дыша.*

Опять зачеркнуто. И вдруг понеслось:

*Ну что же из того, что мы сегодня пьяны?
Ведь мы друг друга любим иногда.
Мы словно в шторм застигнутое судно.
От качки мы открыть не смеем глаз.
И пусть порой бываем безрассудны.
Но женщины судить не смеют нас».*

В 1950 году в Москву приехал весёлый, здоровый, трезвый, талантливый юноша из Петрозаводска с огромным желанием покорить столицу, стать знаменитым русским поэтом. В.Морозов был уверен в своем даровании, в своих силах и не боялся опасностей городской цивилизации, ведь он направлялся не куда-нибудь, а в столицу России, где всё, по

его мнению, пронизано русским духом. Таким же внешне бесстрашным был и его кумир Сергей Есенин, написавший на экземпляре книги «Исповедь хулигана» (хранится в ИМЛИ): «Жив только русский ум, его я люблю, его кормлю в себе: поэтому мне не страшно, и не город меня съест, а я его проглочу (по поводу некоторых замечаний о моей гибели)».

Но оба просчитались в своих силах и возможностях, когда оказались на своём «поэтическом суденышке» в центре шторма, затеянного не природными стихиями, а ставшего результатом социального сдвига 1917 года, когда «вульгарные, мещанские души, сознающие свою посредственность, смело заявляют своё право на вульгарность, и причем повсюду... Масса давит всё непохожее, особое, личностное, избранное. Кто выглядит не так, «как все», кто думает не так, «как все», тот подвергается риску стать изгоем».¹⁶

«От качки мы открыть не смеем глаз», – в этой строке последнего стихотворения В.Морозова найден образ человека, жизнь которого словно ускользнула из его рук, «стала непокорной, своевольной и несется, никем не управляемая, неведомо куда».¹⁷

Неудивительно, что в поисках целей и идеалов С.Есенин писал «Анну Снегину», а В.Морозов – «Анастасию Фомину» – поэмы о судьбах русских женщин, сохранивших жизненную силу, державшихся открыто и твердо ими исповедуемых принципов, знавших, что им творить и делать.

Для обоих поэтов неприемлем решительный разрыв настоящего с прошлым, исчезновение в русском народе традиционного духа. Поэтому после «Анастасии Фоминой» В. Морозов пишет поэму «Про человека Ивана Головина», опубликованную посмертно в журнале «На рубеже» (1959, №3) и в книге «Рука друга» (М., 1959). И хотя публикация поэмы сопровождалась примечанием, что читателю предстоит познакомиться с главами из неоконченной повести в стихах «Рука друга», на самом деле перед нами сюжетно законченное произведение из трех частей. Все они объединены не только фигурой главного героя, но и желанием автора рассказать «про человека», а это, в понимании поэта, означало передать читателю веру в порядочность, нравственность и доброту, которые испокон века были свойственны русскому народу.

Вера поэта в доброту человеческой природы была непоколебима. Он рос в семье, где отношениями людей двигали взаимопомощь и солидарность. Во время школьного детства и юности нехватку сложившихся институтов гражданского общества ему с лихвой компенсировали развитые социальные связи, участие во многих общественных организациях. Даже во время учёбы в Литера-

турном институте в Москве и в последующий сложный период жизни, богатый трудностями разного рода, бытовыми лишениями и невзгодами, он искал и находил людей удивительных судеб. Так и героя своей новой поэмы он нашел во время командировки на строительство Западно-Карельской железной дороги:

*Рукав наполовину укорочен.
Отвоевался.
Кончена война.
Упрямый подбородок оторочен
Щетиной медной у Головина.*

По воспоминаниям Всеволода Иванова, звали прототипа героя поэмы Михаил Матвеевич Никитушкин. Фронтовик, он в войну потерял жену и детишек, по возвращении домой сошелся с солдаткой, воспитывавшей маленького сына. Жил с ней, пока она не умерла и не женился её сын, а он стал лишним в единственной комнатенке. Однажды, бесцельно бродя у вокзала, он увидел веселую толпу отъезжающей молодёжи, пришел в райком комсомола и попросил путевку на комсомольскую стройку. Такова документальная основа поэмы «Про человека Ивана Головина», которая под пером поэта преобразилась в яркое поэтическое произведение.

С первых же строк поэма захватывает богатством человеческих переживаний: это и присутствие Головину любовь к своему народу, стране, Отечеству; это и чувства правоты, справедливости и ответственности, которые не позволяют ему потребовать вернуть принадлежавшую ему, но уже занятую во время войны другим человеком жилплощадь. Он устраивается работать, но однообразная жизнь «по гудку» не может устроить человека. Избавиться от тяжелой чаши одиночества ему помогает женщина:

*Она не из красавиц.
И к тому же
Не молодость за инеем волос.
Имеет сына, потеряла мужа.
Перенести блокаду довелось.*

Одна судьба связала двух жертв войны: «Такие чувства правильной назвать бы / родством недалёким двух тревожных душ». Трогательно, с удивительной скромностью и нежностью рассказано в поэме о возрождении к жизни инвалида войны, чья изболевшаяся от переживаний душа согревается женской любовью.

*Вот почему однажды
угловато
Сказал он без ненужного «люблю»:
– Сынка растить одной-то трудновато.
Не возражаешь, если пособлю? –
И женщина доверчиво и мудро
Кивнула молчаливо, как всегда...
Без лишних слов он перенес наутро
Нехитрое добро своё сюда.*

В этом случае оба героя поэмы «совершают известный поступок с уверенностью в своей правоте, с интуитивной быстротой и инстинктивной страстной цельностью, что нередко воспринимается другими несовестными людьми как «безрассудство».¹⁸ И вот уже вечером на коммунальной кухне судачат соседи:

– Чудак он, что ли? Или ненормальный?
– Да и она-то тоже хороша.

К «несовестным» людям относит автор и ту бывшую соседку Головина по довоенной квартире («Грудаста, крутобедрата и свежа»), которая осуждает инвалида, решившего сразу по возвращении из госпиталя «за так – отдать квартиру в Ленинграде» другому человеку, более в ней нуждающемуся. В числе «несовестных» оказывается и сын любимой женщины Головина, который, войдя в брачный возраст, заявил матери, что «квартиранты больше не нужны». Эти «несовестные» люди заняты только собственным благополучием; они самодовольны, самонадеянны; у них замкнутые, закостеленные души; они довольствуются запасом готовых идей и не усложняют свою жизнь такими понятиями, как вежливость, взаимное уважение, справедливость, благожелательность. Противостоять угрозам и оскорблениям «человека массы» такие «совестные» люди, как Головин, не могут. Они остаются в одиночестве среди шумной толпы:

*В часы,
Когда бывало слишком трудно
От чувства одиночества ему,
Он шел туда,
Где вечно многолюдно,
Где невозможно думать одному.*

И герой поэмы, и её автор проводят жизнь в служении. Как пишет Хосе Ортега-И-Гассет в работе «Восстание масс», жизнь для таких людей не имеет интереса, если они не могут посвятить ее чему-то высшему. Их служение – не внешнее принуждение, не гнет, а внутренняя потребность. Они всегда ищут нового задания, «более трудного, более сурового и ответственного».

Поэт Владимир Морозов тоже готовил себя к жизни напряженной, к новым, высшим достижениям. Ему была не по нраву обычная, косная жизнь, которая замыкается в себе, осужденная на вечное движение на одном месте. Однако его вхождение в литературу совпало со временем, когда в результате «восстания масс» выявилось «господствующее положение, которое духовный плебс занял в общественной жизни», в том числе и в литературе социалистического реализма. В. Морозов мечтал своими стихами и поэмами вырвать чело-веческие души из внутреннего рабства, внедрить в них собственное достоинство и независимость. Когда он увидел, что возможность служения этой «высшей» для него идее невозможна, жизнь для поэта потеряла всякий интерес, как это в своё время случилось с его кумиром С. Есениным.

«Я высоко ценил и цену рано погибшего Владимира Морозова, – писал В. Бондаренко. – И сейчас думаю, что Морозов был самой крупной звездой на карельском поэтическом небе и, если бы не погиб, стал бы одним из ведущих поэтов России».¹⁹

Примечания

¹ Жирмунская Т. От прошлого жизнь просторней. Сентиментальный дневник // Юность. 2013. №7.

² Морозов В. Любовь проверена разлукой. Стихотворения и поэмы. Воспоминания современников. Сост. А.И. Валентик. Петрозаводск, 2014.

³ Рождественский Вс. Страницы жизни. М.-Л. 1962. С. 273-274.

⁴ Кудрявцева Г. «И не вернуться я не мог...». Материалы к биографии В. Морозова...

⁵ Очерк истории советской литературы Карелии. Петрозаводск, 1969. С.256.

⁶ Есенина А. «Это всё мне родное и близкое...» // Молодая гвардия. 1960. № 7.

⁷ Акаткин В., Таганов Л. Продолжая великую тему. Послесловие к кн.: «Была война...»: Стихотворения // М., 1984. С.222-246.

⁸ Тимонен А. Поэзия юности и мужества (о В. Морозове) // НА РК. Ф.1075. Оп.2. Ед.хр. 125. Л.14.

⁹ Иванов Вс. «Клянутся те, кому не верят...» // Север. 1992. № 1. С. 140.

¹⁰ Иванов Вс. Цветы и бурьян. Литературные заметки // Карельская литература. Сб. критических статей. Петрозаводск, 1959. С. 178-179.

¹¹ Башнин Ю.Н. «Я знаю, что не слов красивых ждешь ты...» // Молодёжная газета Карелии. 1999. 18 февр.

¹² См.: Бондаренко В. Смерть безудержного оптимиста: О стихах и гибели Владимира Морозова // Литературная Россия. 2004. 23 июля. С.8-9.

¹³ В момент написания и прочтения стихотворения «Собака» на Втором съезде писателей КФССР в 1954 году В. Морозову было 22 года. Он был исключен из института и вскоре взят на службу в армию.

¹⁴ В кн.: Владимир Морозов. Любовь проверена разлукой... С.194.

¹⁵ Есенин С. Ключи Марии // Есенин С. Собр. соч. в 5-ти тт. М., 1962. Т.5. С.31.

¹⁶ Хосе Ортега-И-Гассет. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. №3. С.122-123.

¹⁷ Там же. С.133.

¹⁸ Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 127.

¹⁹ Бондаренко В. Сокровенное слово Севера. М., 2002. С.5.

Юрий Иванович ДЮЖЕВ.

*Литературовед, литературный критик,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник*

*Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН.*

В результате многолетней работы Ю.И. Дюжевым были подготовлены и опубликованы пять библиографических указателей, пятнадцать монографий и сборников статей, в которых он вынес на обсуждение узловые проблемы развития русской литературы Европейского Севера и дал очерки творчества ведущих писателей региона.

*Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы (2002),
лауреат премии «Сампо» главы РК (2009).*

*Отмечен званиями «Заслуженный деятель науки РК»,
«Заслуженный работник культуры России».*

Член Союза писателей России с 1977 г.

